

ЦЕЛИ ГЕРМАНИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ НА ВОСТОКЕ: КРУТЫЕ ПОВОРОТЫ ИСТОРИИ И ИСТОРИОГРАФИИ

Эдмундас Гимжаускас

Abstract

In the evaluation of the goals of the countries that fought in the First World War, one of the most persistent stereotypes testifies to the particular aggressiveness of the Kaiser's Germany, and its exclusive role in the outbreak of the war. This opinion is directly related to Lithuania, when it comes to the expansionist approach of Germany with respect to the western border zones of the Russian Empire. The paper looks for the origins of these historiographic stereotypes, by analysing how the goals of Germany in the First World War were presented in Soviet historiography, and, in a broader sense, in socialist bloc historiography; and how Lithuanian historiography in the period of restored independence has been impacted by the approaches of foreign researchers. After looking at studies of recent resonant historiographic trends with respect to the military aims of the Kaiser's Germany, and their traces in the Lithuanian study of history, the author makes an attempt to verify the validity of the statement about 'German expansionism' as regards Lithuania and the neighbouring region in the initial period of the war, which has been little explored in Lithuania.

Key words: First World War, German war aims, Soviet historiography, Lithuanian historiography.

Anotacija

Vertinant Pirmajame pasauliniame kare kariavusių šalių tikslus, vienas labiausiai įsišaknijusių stereotipų byloja apie ypatingą kaizerinės Vokietijos agresyvumą ir išskirtinį vaidmenį įsiplieskiant karui. Ši nuomonė tiesiogiai liečia ir Lietuvą, kai kalbama apie neabejotinas Vokietijos aneksionistines nuostatas Rusijos imperijos vakarinių pakraščių atžvilgiu. Straipsnyje nagrinėjama, kokia yra šių istoriografinių stereotipų kilmė. Tai daroma analizuojant, kaip Vokietijos tikslai Pirmajame pasauliniame kare buvo nušviečiami sovietinėje ir – platesne prasme – socialistinio bloko šalių istoriografijoje, bei nagrinėjant, kokią įtaką lietuvių istoriografijai jau atkurtosios nepriklausomybės laikotarpiu šiuo klausimu darė užsienio tyrinėtojų poveikis. Išanalizavęs nesenas rezonansines istoriografijos tendencijas kaizerinės Vokietijos karo tikslų atžvilgiu ir jų pėdsakus lietuviškame istorijos moksle, autorius bando verifikuoti „vokiškojo aneksionizmo“ tezės pagrįstumą Lietuvos ir kaimyninio regiono atžvilgiu pačiu pradiniu karo laikotarpiu, kuris Lietuvoje labai menkai tyrinėtas.

Pagrindiniai žodžiai: Pirmasis pasaulinis karas, Vokietijos karo tikslai, sovietinė istoriografija, Lietuvos istoriografija.

Edmundas Gimžauskas, dr., research fellow, Lithuanian Institute of History, Kražių g. 5, LT-01108 Vilnius, Lithuania. Email: e.gimzauskas@yahoo.com.

По случаю столетия с начала Первой мировой войны как в академических дебатах, так и в широкой общественности историки и другие комментаторы неизбежно возвращаются к анализу так называемых «военных целей» государств, принимавших участие в военных действиях*. Обычно ими движет стремление объявить о какой-нибудь до сих пор не выявленной тенденции и на этом основании пересмотреть устоявшиеся оценки и стереотипы. Одним из наиболее глубоко укоренившихся стереотипов, касающихся истории Первой мировой войны, является рассуждение о чрезвычайной агрессивности и исключительной роли Германии в разжигании этого конфликта. В самом деле, исключительность роли этого государства в истории войны практически невозможно оспорить. Ее не отрицают и сами немцы. Это объясняется тем обстоятельством, что Германия, запоздало ставшая великой державой, осмелилась бросить вызов старым мировым державам и решительно вступила в борьбу за изменение силового баланса на мировой арене. Она проиграла борьбу, а страны-победительницы историю этого противостояния для мирового сообщества представили в контексте, оправдывающем их и осуждающем немцев, а также их союзников. Мало того, во Второй мировой войне этот сценарий был повторен и даже с большим эффектом и в больших масштабах. Вследствие этого стереотип, согласно которому Германия считалась «государством зла», какое-то время не ставился под сомнение.

I.

Одной из составных частей теории об исключительной агрессивности и хищничестве Германии является убеждение о несомненных ее аннексионистских притязаниях на западные окраины Российской империи. Еще в 1958 г. один из лидеров литовской советской исторической науки Юозас Юргинис в учебнике для средних школ писал: «Войну начала Германия, ее капиталисты хотели отобрать у Франции и Англии некоторые колонии, а у Российской империи – Прибалтику, Польшу и Украину»¹. На академическом уровне преобладала фразеология такого же рода. Во втором томе «Истории Литовской ССР», изданном в 1963 г. под редакцией Юозаса Жюгжды, написано: «Захват Литвы был одной из конкретных военных задач империалистической Германии, потому как в этой хищнической войне за передел мира, среди заранее предусмотренных целей Германии была и цель захватить Украину, Польшу и Прибалтику»². В эмоцио-

* Первая версия данной статьи была опубликована на литовском языке: GIMŽAUSKAS, Edmundas. Vokietijos Pirmojo pasaulinio karo tikslai rytuose: istorijos ir istoriografijos vingiai. *Lietuvos istorijos metraštis*, 2014/2. Vilnius, 2015, p. 125–153.

¹ JURGINIS, J. *Lietuvos TSR istorija*. Vadovėlis vidurinėms mokykloms. Kaunas, 1958, p. 93.

² *Lietuvos TSR istorija*. T. II: nuo 1861 iki 1917 metų. Vyr. red. J. ŽIUGŽDA. Vilnius, 1963, p. 421.

нальном плане здесь вроде бы все ясно – Германия стремилась «захватить», однако с точки зрения научной точности – туманно: действительно ли «захватить» тождественно «аннексировать»? Очевидный недостаток фактов для обоснования аргументации и, вероятно, еще более – все доступнее становившаяся информация о том, как продвигается решение этого вопроса в международном историографическом дискурсе, скорее всего и способствовали тому, что в академической «Истории Литовской ССР» 1985 года никакие утверждения относительно военных целей государств не встречаются, а сам текст написан в соответствии с канонами историзма – по принципу «как всё было на самом деле», с перечислением очевидных фактов и без сомнительных утверждений³.

Перечисленные выше позиции литовской историографии, относящиеся к эпохе «Жюгжды», не вызывают удивления, если иметь в виду тогдашнее неукоснительное следование тенденциям российской советской академической историографии. Если в период между двумя войнами данная историография была достаточно сдержанной относительно вопроса, касающегося вины Германии в разжигании Первой мировой войны, то во время Второй мировой войны и сразу после ее окончания даже российские академические историки не выбирали слов для характеристики немцев. Например, Филипп Нотович свою книгу начинает с предложения: «Германия начала первую мировую войну в 1914 г. с определенной целью и с заранее разработанной программой покорения Европы и создания основы для завоевания мирового господства»⁴. И это, чего доброго, было одной из довольно скромных характеристик Германии и ее политики. Формировалась традиция рассматривать притязания Германии в годы Первой мировой войны в контексте якобы неизменного, продолжавшегося на протяжении столетий немецкого *Drang nach Osten* («Броска на Восток»). Так, российский историк Владимир Хвостов в 1961 г. писал: «Трудно переоценить значение того факта, что германская угроза над народами польским, чешским, латышским и другими нависала в течение ряда столетий. В глазах многих народов Восточной Европы Германия стала исконным врагом. Да, она, а точнее ее господствующие классы, и в самом деле являлась таковой»⁵. Само собой разумеется, что преследовалась цель укоренить данную тенденцию в качестве общей историографической позиции социалистического лагеря. Сначала попросту не было дела до обращения целенаправленного внимания на нюансы и тонкости германской экспансионистской политики. Срабатывала тривиальная схема: если уж какую-нибудь территорию захватывает немецкая армия, то только для того, чтобы включить ее в состав германского государства. Как, каким образом

³ *Lietuvos TSR istorija. Nuo seniausią laikų iki 1917 metų*. Ats. red. B. VAITKEVIČIUS. Vilnius, 1985.

⁴ НОТОВИЧ, Ф. *Захватническая политика германского империализма на Востоке в 1914–1918 гг.* Москва, 1947, с. 3.

⁵ ХВОСТОВ, В. Германская экспансия на Востоке, ее история и идеологические корни. *Новая и новейшая история*, 1961, № 3, с. 47.

это осуществлялось, каковой была возможность большей или меньшей независимости такой территории, советских историков, как будто не интересовало. Было принято манипулировать отвлеченными понятиями, такими как «захват», «порабощение». В академическом дискурсе постепенно всё большую популярность приобретало понятие «аннексии», которое, как представляется, использовалось чрезвычайно произвольно и неточно с юридической точки зрения⁶. Наиболее характерная схема выстраивания фактов выглядела примерно так: нарратив начинался с представления идеологии пангерманизма, ее развития с присущими ей проявлениями агрессивности, экспансии и аннексионизма. При этом обязательно акцентировалось, что в период разжигания войны, это была идеология «правящих слоев»; следующий шаг – предъявление целого ряда петиций, меморандумов, предложений и т.п. в качестве свидетельств деятельности пангерманистов (для создателей нарратива было предельно важно, что такого рода документов было достаточно уже в предвоенный период, а с началом войны их количество лишь умножилось). Наконец, когда война начала набирать обороты, фиксировались утверждения уже самого правительства, канцлера в отношении территорий, занятых немецкой армией на Востоке; эти утверждения «естественным образом» сочетались с многократными заявлениями пангерманистов и разношерстных реакционеров, – таким образом формировалось общее тенденциозное впечатление и соответствующие выводы. Классическим образцом подобного нарратива является вышеупомянутая книга Ф. Нотовича. В среде советских историков 40-х–50-х годов XX в. эта схема, построенная на использовании пангерманизма и присущего ему «страшила» аннексионизма, была чрезвычайно удобной и характерной.

По окончании эпохи сталинизма, вследствие модернизации и укрепления внешних контактов в советской историографии произошли значительные изменения качественного характера. Все больше внимания стало уделяться научной методологии, а не только априорным идеологическим клише. Тогда историки стали углубляться в содержание планов и стремлений Германии в 1914–1918 гг. Более основательное изучение нюансов политики кайзеровской Германии упомянутую схему неизбежно пошатнуло. Те же трофейные архивные документы немцев, оказавшиеся в 1945 г. в руках союзников, с очевидностью показали, что у пангерманизма были очень серьезные и солидные альтернативы, как, например, концепция «Средней Европы» („Mittleuropa“). Мало того, оказалось, что пангерманизм во взглядах правительственных слоев Германии вовсе не доминировал.

⁶ Краткое определение понятия: «аннексия [лат. *annexio* присоединение] – захват, насильственное присоединение государством территории, принадлежащей другому государству или народу, что является грубым нарушением норм международного права и принципа самоопределения наций» (ЗАХАРЕНКО, Е.; КОМАРОВА, Л.; НЕЧАЕВА, И. *Новый словарь иностранных слов*. Москва, 2003). В научных дефинициях толкования содержания понятия «аннексии» варьируют. Все же целью этой статьи не является углубление в содержание понятия и его изменение; мы лишь пытаемся проследить за развитием самого варьирования толкования этого понятия в соответствующей историографии.

В 1968 г., когда отмечалось пятидесятилетие окончания Первой мировой войны, в Москве был издан сборник статей, посвященных тематике этой войны. Туда попала и статья историка советской Украины Ивана Теодоровича «Разработка правительством Германии программы завоеваний на Востоке в 1914–1915 гг.»⁷. Судя лишь по названию, статья И. Теодоровича как бы и не предвещала ничего нового, однако излагаемый нарратив был сконструирован уже иначе. Пангерманизм и концепция «Средней Европы» здесь представлялись как две равноценные и противоборствующие идеологии во внешней политике Германии. Более того – И. Теодорович даже признал, что правящие слои в 1914–1915 гг. склонялись к осуществлению программы «либерального» течения (в статье она отождествлялась с концепцией «Средней Европы»). Очевидно, что представляемая И. Теодоровичем линия выявления концепции «Средней Европы» постепенно утвердилась в советской историографии. В двухтомнике, изданном в 1970 г., снова фигурирует это понятие там, где речь идет о военных целях Германии⁸. Однако в конструируемой здесь схеме ей приписывается другая роль, нежели в статье, которая обсуждалась выше: идеологи «Средней Европы» здесь отождествляются со сторонниками экспансии на Восток, при этом подчеркивается различие во мнениях между ними и приверженцами морского господства Германии, а также между представителями антифранцузской партии. О пангерманистах в данном контексте не упоминается вовсе.

Разумеется, историки бывшего СССР в своем интересе к военным целям Германии на Востоке не были одиноки. Работа над этим вопросом происходила как в сообществах историков западного мира, так и в странах социалистического лагеря. Надо сказать, что условия такой работы зачастую были специфическими, а результаты – неожиданными и нетрадиционными. Так, исследование Януша Паевского о концепции «Средней Европы» и ее развитии, опубликованное еще в 1959 г. в социалистической Польше, весьма отличалось от нарратива, который в то время преобладал в историографии СССР и о котором уже шла речь выше⁹. Я. Паевский в своей книге посвящает целый раздел именно исследованию целей Германии в начале войны¹⁰, а в одном из подразделов он конкретно говорит о военных целях на Востоке¹¹. Звучит вроде бы парадоксально: хотя польский историк пользовался так называемой марксистской методологией и фразеологией, его нарратив с самого начала конструировался как будто на

⁷ ТЕОДОРОВИЧ, И. Разработка правительством Германии программы завоеваний на Востоке в 1914–1915 гг. In *Первая мировая война: сборник статей*. Отв. ред. А. СИДОРОВ Москва, 1968, с. 108–120.

⁸ *Германская история в новое время*. Т. 1. Ред. С. СКАЗКИН и др. Москва, 1970, с. 477–478.

⁹ PAJEWSKI, J. „Mitteleuropa“: studia z dziejów imperializmu niemieckiego w dobie pierwszej wojny światowej. Poznań, 1959.

¹⁰ Ibid., s. 24–71.

¹¹ Ibid., s. 35–46.

совершенно иных основах. Ссылаясь на соответствующие размышления немецких деятелей, характерные начальному этапу войны, Я. Паевский склоняет читателя к заключению, что Россия среди военных целей Германии играла лишь роль второстепенную. Немцы на этом фронте якобы были склонны ограничиться минимальной выгодой, а наиболее желанным их стремлением с момента начала войны было заключение сепаратного мира. Даже широкомаштабное летнее наступление 1915 г. служило исключительно оборонительным целям и являлось средством нажима на Россию¹². Мнение, изложенное Я. Паевским, оказало большее или меньшее влияние на позже писавших польских историков. Так, Ежи Охманский в своей «Истории Литвы», описывая период 1914–1918 г., без излишних предисловий прямо утверждал, что лишь «с момента захвата литовских территорий вопрос Литвы стал для Германии одной из основных проблем ее политики»¹³. Якобы у Германии, когда война начиналась, не было никаких планов в отношении Литвы, а головной болью для немецких политиков будущее Литвы стало только тогда, когда солдатам германской армии уже удалось там закрепиться. Кстати, в контексте вопроса об аннексии интересно, что Е. Охманский заявлял о дальнейших планах немцев: «эксплуатировать Литву как мост между Германией и Россией, сделать из Литвы маленькое полуколониальное государство, абсолютно зависимое от Империи»¹⁴. Отсюда следует, что в нарративе Е. Охманского аннексия также не фигурирует, а если уж упоминается «маленькое государство», то в принципе признается какой-то немецкий позитив, потому как при царской власти литовцы об этом могли лишь мечтать!

Между тем формирование исторической науки в советской части Германии было обусловлено общей политикой денацификации, пацификации, а на самом деле – советизации восточной части Германии. Там историки должны были с особой тщательностью идти по следам своих коллег (учителей) из СССР, если не хотели дожидаться обвинений в политических промахах или же навлечь на себя неприятности или репрессии. В исследованиях должна была четко проследиваться беспощадная критика еще недавнего прошлого Германии и не должна была проявляться ни капля сентиментальности или благосклонности к этому прошлому. Более солидные труды историков ГДР стали появляться лишь в начале 60-х годов, и наиболее значительным среди них было исследование Вернера Баслера¹⁵. Уже самому его названию с преобладающим термином «аннексия» следовало красноречиво свидетельствовать об интенциях автора. Конструирование нарратива также отличается своеобразием и отражает реалии восточной

¹² Ibid., s. 45–46.

¹³ OCHMAŃSKI, J. *Historia Litwy*. Wrocław, 1967, s. 233.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ BASLER, W. *Deutschlands Annexionspolitik in Polen und im Baltikum 1914–1918*. Berlin, 1962.

Германии по окончании Второй мировой войны. Схема здесь примерно такова: военные цели Германии устанавливал слой капиталистов, в то время как правительственным чиновникам оставалась более пассивная роль координаторов и исполнителей целей, которые преследовали различные группы интересов; политический подтекст схемы таков: после того, как слоя капиталистов, на которых взваливалась вся вина в инициировании агрессии и захватничества, не стало, немецкая нация и новое государство вздыхают с облегчением и в условиях социализма начинают всё с чистого листа. У капиталистов В. Баслер обнаружил программы максимум и минимум, однако не видел существенных различий между ними: якобы они в любом случае носили империалистический характер¹⁶. Неудивительно, что и в последующих главах книги В. Баслер неточно оперировал понятием «аннексии», в том числе и обсуждая Литву.

В то же время в западной Германии на арене историографии появился Фриц Фишер со своими трудами, посвященными периоду Первой мировой войны. Его появление в мировой исторической науке вызвало настоящую сенсацию. В 1961 г. Ф. Фишер обобщил свои изыскания в монографии «Рывок к мировому господству»¹⁷, которая сразу же стала мировым бестселлером, неоднократно переизданным и переведенном на другие языки. В качестве главного тезиса книги Ф. Фишер выдвинул мысль о том, что политика военных целей Германии была целостным наследием всех рейхсканцлеров периода войны. Этот ученый, как и его коллега из ГДР В. Баслер, чрезвычайно большое значение придавал программе Теодора Бетмана-Гольвега, представленной 9 сентября 1914 г., в которой тот якобы определил всю дальнейшую политику военных целей Германии, суть которой – безудержное расширение как на Запад, так и на Восток. Так называемая Сентябрьская программа якобы предрешила политическую линию Германии (как правительства Георга Михаэлиса, так и Георга Гертлинга).

Неудивительно, что труды Ф. Фишера сразу вызвали интерес на советской стороне. Этому, прежде всего, способствовало выявление системности агрессивных военных целей. Ознакомившись с книгой Ф. Фишера, аналитик западной историографии Кирилл Виноградов не скрывал своеобразного удовлетворения: «Получилась совершенно убийственная картина непомерных аннексионистских appetитов германских империалистов!»¹⁸ Советских аналитиков также прельщал подход Ф. Фишера рассматривать историческую действительность без националистических страстей, которые, по мнению немецкого историка, наносят вред объективности. За этот же подход Ф. Фишер подвергался острой

¹⁶ Ibid., S. 50.

¹⁷ В данной работе используется повторное издание книги: FISCHER, F. *Griff nach Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland 1914/18*. Düsseldorf, 2000.

¹⁸ ВИНОГРАДОВ, К. *Буржуазная историография первой мировой войны. Происхождение войны и международные отношения в 1914–1917 гг.* Москва, 1962, с. 338.

критике со стороны своих коллег в ФРГ. Его упрекали в желании «осудить всю немецкую историографию с 1918 г.», аргументируя, что «национальная ангажированность не мешает выдвиганию исторической правды»¹⁹. Одновременно в трудах быстро набирающего популярность немецкого ученого присутствовали элементы, крайне неудобные для советской стороны. Прежде всего, это касалось освещения германского фактора как способствовавшего развитию революционных настроений в России, а также выявления масштаба этого процесса. Из-за невозможности опровергнуть множество выдвинутых Ф. Фишером фактов имело место попытка хотя бы снизить их роль, заявляя, что им «придавалось чересчур большое значение»²⁰. Однако, несмотря на все недостатки, работы Ф. Фишера сразу были причислены к наиболее важным трудам западного «академического направления»²¹. Вероятно, аналитикам из СССР они казались более значительными, чем, например, в то же самое время опубликованный труд В. Баслера. Как бы там не было, Ф. Фишер был ученым из «буржуазного лагеря», предоставившим особенно веские доказательства мессианизма германской власти. В 1959 г. появилось диссертационное исследование тогда еще молодого западногерманского историка Имануэля Гейсса о так называемой «польской пограничной полосе» – о польских этнических землях на границе с Германией, которые последняя планировала захватить в 1914–1918 гг.²² И. Гейсс считается учеником и последователем Ф. Фишера. Во время написания этой работы ученый трудился в архивах ГДР, а результат его труда был благосклонно встречен аналитиками в социалистическом лагере²³. В 1964 г. исследование было издано в Польской Народной Республике на польском языке²⁴.

Академические импульсы со стороны Запада (включая и страны социалистического лагеря, прежде всего Польшу) со временем, как уже упоминалось, оказали позитивное научное влияние и на саму советскую историографию. Так, весьма характерно, что в упомянутом выше двухтомнике об истории Германии, опубликованном в 1970 г., раздел, посвященный Германии в период Первой мировой войны, носит такое же заглавие, как и знаменитая книга Ф. Фишера: «Рывок к мировому господству»²⁵, а в пространной сноске отмечен особый вклад Ф. Фишера и его учеников, прежде всего – И. Гейсса, в исследования по данной тематике²⁶. Менялось отношение и к сути знаменитого *Drang nach*

¹⁹ Например, RITTER, G. Zur Fischer Kontroverse. *Historische Zeitschrift*, 1965, Bd. 200, Hf. 3, S. 783.

²⁰ STRAŽAS, A. „Oberosto žemės“ istorijos klausimai žinomojo Hamburgo istoriko veikaluose. *Lietuvos TSR aukštųjų mokyklų mokslo darbai. Istorija*, 1969, t. X, p. 252.

²¹ ВИНОГРАДОВ, К. *Op. cit.*, с. 337.

²² GEISS, I. *Der polnische Grenzstreifen 1914–1918. Ein Beitrag zur deutschen Kriegszielpolitik im ersten Weltkrieg*. Lübeck, 1960.

²³ ВИНОГРАДОВ, К. *Op. cit.*, с. 339.

²⁴ GEISS, I. *Tzw. Polski pas graniczny*. Warszawa, 1964.

²⁵ *Германская история в новое время...*, с. 474.

²⁶ *Ibid.*, с. 478–479.

Osten. В коллективной монографии, изданной в 1977 г. и посвященной исследованиям этого исторического явления, уже предлагалось рассматривать его как некое конъюнктурное проявление конкретного периода времени²⁷.

Тем временем в советской Литве исследования, посвященные периоду Первой мировой войны, с самого начала оказались одной из наиболее академически запущенных и в то же время одной из наиболее идеологизированных областей исторических исследований²⁸. На академическом уровне эту тему исследовал, в принципе, только один автор – Аба Стражас. В самом расцвете своей научной карьеры (в 1970 г. он защитил диссертацию на соискание степени доктора исторических наук) – в 1973 г. он эмигрировал в Израиль и влился в научное сообщество этой страны. Однако его вклад в литовскую историческую науку действительно важен, так как А. Стражас на протяжении нескольких десятилетий после Второй мировой войны работал в Литве²⁹.

Свое мнение о военных целях Германии на Востоке А. Стражас высказал уже в 1964 г.³⁰ Труды этого ученого, если рассматривать их ретроспективно, оставляют неоднозначное впечатление. С одной стороны, им присущи черты уже упомянутого «классического» советского нарратива: вначале излагается идеология пангерманизма, затем автор переходит к обсуждению конкретных событий, которые представляются как обусловленные пангерманизмом; ни о каких реальных альтернативах аннексии даже не упоминается (потому что, по убеждению автора, их попросту не было). С другой стороны, тексты свидетельствуют о широкой эрудиции автора, еще более широких возможностях и вместе с тем – об амбициях, для реализации которых в тогдашней Литве не было условий. Оригинальным и довольно неожиданным в контексте современной ему литовской исторической науки представляется стремление А. Стражаса откликнуться на дебаты, происходившие в то время в мировой историографии – спор между Ф. Фишером и его оппонентами. Разумеется, это осуществлялось в советском идеологическом контексте, в котором труды Ф. Фишера в целом ранее были оценены положительно. Это позволило А. Стражасу предъявить работы знаменитого немца для их оценки в Литве, выделить и обсудить содержащиеся в них момен-

²⁷ «*Дранг нах Остен*» и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы 1871–1918 гг. Отв. ред. В. ВОЛКОВ. Москва, 1977, с. 4–5.

²⁸ Деятели советской Литвы, в том числе и будущий авторитетный историк Ю. Жюгжда, во время Второй мировой войны сбежавшие в глубь СССР, выпустили несколько книжек историко-пропагандистского характера: LAISVYDAS, A. [VENCLOVA, A.]. *Po Liudendorfo batu: 1915–1918 metų vokiečių okupacija Lietuvoje*. Maskva, 1942; ŽIUGŽDA, J. *Kaip vokiečiai imperialistai stengėsi pavergti Lietuvą 1917–1918 metais*. Maskva, 1943.

²⁹ Подробнее о А. Стражасе см.: STAŠAITIS, S. *Vilniaus pedagoginio universiteto Visuotinės istorijos katedros dėstytojai kaip pedagogai (1944–1955 m.)*. *Historia universalis in Lithuania*, 2007, t. 1, p. 89–92.

³⁰ СТРАЖАС, А. «Земля Оберост» и германские цели на востоке в годы первой мировой войны. *Вопросы истории*, 1964, № 8, с. 49–59.

ты, непосредственно связанные с Литвой³¹. Со временем, ему приходилось синтезировать и включать в безупречный с точки зрения логики нарратив крайне несовместимые или даже противоположные исторические концепции, отдельные черты которых могли, однако, оказаться полезными для доминирующей советской идеологической конъюнктуры. Можно предположить, что тогда и начались самые большие трудности, материальным воплощением которых стали три тома докторской диссертации в объеме, не характерном для работы такой категории³². Неизвестно, был ли А. Стражас доволен своим трудом, как неизвестно и то, удовлетворил ли этот труд его заказчиков. После отъезда А. Стражаса в Израиль в литовских исследованиях, посвященных периоду Первой мировой войны, на долгие годы образовался очевидный вакуум. Этот вакуум в литовских исследованиях частично компенсировало исследование Пранаса Чяпенаса³³, появившееся в США в 1986 г. В нем достаточно много внимания уделено конкретному периоду Первой мировой войны. Интересно отметить, что концепция Ф. Фишера оказала влияние и на этот труд. Даже название одного из разделов книги П. Чяпенаса – «Аннексионистские и колонизаторские планы Германии», а заглавие подраздела – «Планы аннексии на Востоке»³⁴.

Отдельное исследование, посвященное Первой мировой войне, в литовской историографии затем появилось лишь в 1996 г. с выходом книги историка Раймундаса Лопаты³⁵. Разумеется, в ней не остался без внимания и вопрос, касающийся военных целей Германии на Востоке. В начале 90-х годов XX а., т.е. в то время, когда Р. Лопата приступил к своему исследованию, историки все еще бурно реагировали на предложенное Ф. Фишером противоречивое решение этого вопроса, хотя с начала данного спора уже прошло треть столетия. Ознакомившись с материалом, предоставленным обеими спорящими сторонами, литовский историк пришел к следующему выводу: «Политика Германии была довольно-таки шизофренической. Одни говорили о неудержимом экспансионизме, а другие – едва ли не о врожденном пацифизме»³⁶. Внимание литовского исследователя привлекла работа историка из США украинского происхождения Олега Федюшина, в которой автор еще в 1971 г. предложил выход из сложившейся ситуации³⁷. По мнению О. Федюшина, спор в историографии возник из-за того, что многие исследователи не смогли выделить разные политические «школы»

³¹ STRAŽAS, A. „Oberosto žemės“ istorijos klausimai..., p. 251–259.

³² СТРАЖАС, А. «Земля Оберост» и её место в германской восточной политике в годы первой мировой войны. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Т. 1–3. Вильнюс, 1970.

³³ ČEPĖNAS, P. *Naujųjų laikų Lietuvos istorija*. Т. 2. Vilnius, 1992.

³⁴ Ibid., p. 121–134.

³⁵ LOPATA, R. *Lietuvos valstybingumo raida 1914–1918 metais* (Lietuvių Atgimimo istorijos studijos, t. 9). Vilnius, 1996.

³⁶ Ibid., p. 17.

³⁷ FEDYSHYN, O. *Germany's Drive to the East and the Ukrainian Revolution, 1917–1918*. New Brunswick, N. J., 1971.

или концепты, соревновавшиеся в политике Германии во время войны. Свое предложение О. Федюшин начинает с замечания о том, что в годы войны из-за официальных военных целей в Германии царила атмосфера изменчивости и неясности, с чем согласны почти все исследователи³⁸. Такая атмосфера в значительной степени способствовала успешной деятельности сторонников различных политических направлений, стремившихся повлиять на «восточную политику» рейха. Исследователь выделил пять основных такого рода направлений: 1. Экспансионистское, наиболее тесно связанное с идеей *Drang nach Osten* (бросок на Восток); 2. Проект «Средняя Европа»; 3. Польское, которое в определенном отношении являлось частью концепции «Средняя Европа»; 4. Восточноевропейское, ориентированное на политику так называемых пограничных государств; 5. Российское, сторонники которого отстаивали идею единства и неделимости России и тесного сотрудничества с великим восточным соседом³⁹. О. Федюшин утверждал, что невозможно более точно установить степень влияния сторонников разных направлений на политические решения, которые принимались властями Германии, в то время как правительство Германии никогда не отдавало явного предпочтения какому-либо одному из соревновавшихся между собой направлений. Кроме того, по его мнению, события на фронтах и политические перемены за границей играли более существенную роль в установлении «восточной политики» рейха, чем любое из упомянутых направлений⁴⁰.

II.

Из всего вышесказанного создается впечатление, что исследователи никогда не придут к однозначному выводу о том, каковы были военные цели Германии на Востоке. Но нас все-таки интересует обоснованность тезиса, касающегося аннексионизма Германии, в литовской историографии и в общественном мнении. Представляется, что с помощью вышеобсужденных наработок, можно попытаться дать ответ на вопрос о такой обоснованности. Прежде всего, необходимо установить хронологические рамки – в данном случае наиболее значимой точкой отсчета можно считать укрепление немецких солдат на территории литовскоязычных губерний. В таком случае ставшие уже классическими оценки и схемы, содержащиеся в литовской историографии, в том числе и утверждения, касающиеся аннексионизма, приобретают хотя бы частичную значимость и функциональность. Однако только 19 августа 1915 г. Т. Бетман-

³⁸ ФЕДЮШИН, О. *Украинская революция. 1917–1918*. Москва, 2007, с. 30 (в данной статье использован русский перевод книги).

³⁹ *Ibid.*, с. 30–41.

⁴⁰ *Ibid.*, с. 41.

Гольвег впервые публично в рейхстаге заявил о том, что Германия хочет освободить поработанные народы от русского ига⁴¹. Сразу после этого можно заметить другие целенаправленные шаги представителей властей. В сентябре руководитель ведомства иностранных дел Готлиб Ягов первым предложил аннексировать Литву и Курляндию, отправил профессора агрономии Берлинского университета Макса Серинга исследовать области, занятые немецкой армией⁴². В декабре канцлер подтвердил, что не собирается возвращать освобожденные народы Литвы, Латвии, прибалтийских немцев реакционной власти России⁴³ и т. д. Начавшийся процесс становился все более явным.

Что же было до этого? П. Чяпенас, тщательно регистрировавший проявления немецкой политики в отношении Литвы, утверждает, что Т. Бетман-Гольвег «по вопросу аннексий долго отмалчивался»⁴⁴. Чего же тогда добивались канцлер и его правительство? О. Федюшин истолковывает тогдашнюю политику канцлера в контексте стремления к сепаратному миру с Россией. Он полагает, что вообще в первые два года конфронтации вполне реальным могло быть перемирие между Германией и Россией на основе *status quo*⁴⁵. Ни немцы, ни русские поначалу не делали официальных заявлений, не желая перечеркнуть все до такого уровня, чтобы заключение сепаратного мира стало невозможным. Отсюда и все влияние и вся мощь «русского направления» в германской политике. Отождествляемое с концепцией «единой России», это направление, согласно О. Федюшину, глубоко укоренилось в сознании немцев, оно ассоциировалось у них с Отто фон Бисмарком и его политикой⁴⁶. Странники такого направления являлись наиболее значительной опорой канцлера, главным стремлением которого в начале войны, по мнению многих исследователей, был сепаратный мир. Непреклонное стремление к миру Т. Бетмана-Гольвега в немецкой историографии стало не подлежащим сомнению утверждением. Тот же Ф. Фишер, разрушив имидж канцлера как воплощение пацифизма и умеренности, тем не менее, опираясь на множество фактов, показал подробную панораму непрерывных усилий канцлера добиться сепаратного мира в 1915–1916 г. Всё это производило сильное впечатление на аналитиков, в том числе и на О. Федюшина. На этом фоне действия Германии по отношению к России представлялись как постоянно усиливаемое давление во имя сепаратного мира. Очевидно, что в таком контексте речь об аннексии Литвы и других территорий, принадлежавших России, становится крайне проблематичной.

⁴¹ FISCHER, F. Op. cit., S. 167–168.

⁴² Ibid., S. 233–234.

⁴³ Ibid., S. 178.

⁴⁴ ČEPĖNAS, P. Op. cit., p. 125.

⁴⁵ ФЕДЮШИН, О. Op. cit., с. 27.

⁴⁶ Ibid., с. 38–39.

Но «русское направление» вовсе не было единственной равноценной и серьезной альтернативой аннексионизму в начале войны. Та же концепция «Средней Европы» оказывала сильное влияние на политику Германии уже с самого начала войны. Т. Бетман-Гольвег ее неоднократно упоминал, рассматривая ее в качестве мощного фактора для формирования военных целей рейха. Альтернатива «Средней Европы» ему представлялась как наиболее удобный способ укрепления мощи Германии на континенте и предпосылка для осуществления великодержавной глобальной политики⁴⁷.

Всё же на стыке 1914–1915 гг. между упомянутыми политическими направлениями развернулась конкуренция, которая в 1915 г. лишь набирала скорость. Вовсе не случайно Ф. Фишер заметил начало систематического стремления канцлера к сепаратному миру, характерное именно этому периоду. Что касается предыдущего отрезка времени, т.е. начала войны и ее первых месяцев, опираясь на малоизвестные исторические факты, он изобразил вовсе другую ситуацию – кратковременную и специфическую. В силу того, что картина, формируемая при помощи этих фактов, очень слабо отражена в литовской историографии и эвентуально крайне противоречит стереотипным ее установкам, представляется необходимым более глубокое её рассмотрение.

Ф. Фишер очень просто и логично объясняет, что польские земли, так называемая Конгрессная Польша, первыми появились на пути, по которому немецкая армия продвигалась на Восток⁴⁸. Поэтому Германия нуждалась в политике, проводя которую она могла бы привлечь поляков на свою сторону. 31 июля 1914 г., т.е., в тот же день, когда Германия объявила войну России, кайзер Вильгельм II пригласил на личную аудиенцию графа Богдана Гуттен-Чапского и пообещал ему после победы над Россией восстановить Польское государство⁴⁹. Граф был влиятельным аристократом Пруссии польского происхождения, поддерживавшим близкие отношения с императорской семьей и пользовавшимся абсолютным доверием как немецкого генералитета, так и самого кайзера, а также имел широкие связи в ведомстве иностранных дел⁵⁰. Высказанная ему лично позиция кайзера относительно будущего Польши в тот же день была подтверждена и на приеме у канцлера, что придало обещанию еще большую весомость. В верхах германской власти стали поговаривать о восстановлении Польши «от Балтийского до Черного моря, от Лиепаи до Одессы» и об экономическом присоединении, «как в случае с Люксембургом», к Германии⁵¹.

⁴⁷ Ibid., с. 32.

⁴⁸ FISCHER, F. Op. cit., S. 102.

⁴⁹ Ibid. Этот факт упоминают в своих работах многие авторы, однако в несколько варьирующем контексте.

⁵⁰ См. более подробно воспоминания самого графа: HUTTEN-CZAPSKI, B. *Sześćdziesiąt lat życia politycznego i towarzyskiego*. Т. 2. Warszawa, 1936. Здесь он описывает свою встречу с кайзером и канцлером Германии 31 июля 1914 г.

⁵¹ CONZE, W. *Polnische Nation und deutsche Politik im ersten Weltkrieg*. Köln, 1958, S. 62.

Близкий сотрудник канцлера, шеф канцелярии рейха Арнольд Ваншаффе стал главной фигурой в определении политики Германии относительно Конгрессной Польши⁵². Для формирования этой политики он уже в середине августа 1914 г. привлек к сотрудничеству бывшего генерального консула в Варшаве барона Альбрехта фон Рехенберга как одного из наиболее активных экспертов по вопросам, касающимся Востока. 27 августа барон представил А. Ваншаффе свои предложения, начав с предположения о том, что либо Германия не получит территорий в русской части Польши, либо восточная граница Германии останется незащищенной. Чтобы достичь сразу обеих целей, он предлагал Германии и ее союзницам инсургенцию Конгрессной Польши и образование нового польского государства, которое, объединенное с Галицией, было бы включено в Габсбургскую монархию в качестве нового королевства. К этой новой Польше были бы присоединены десять губерний Конгрессной Польши с Сувалками на севере и западной частью Гродненской губернии, включая Гродно и Брест. Затем эксперт планировал расширить границы Польши в северном направлении через западную часть Ковенской губернии и Курляндию до Рижского залива, чтобы обеспечить ей самостоятельный доступ к морю⁵³. Так с помощью восточной границы Польши была бы защищена восточная граница Германии. Разумеется, для литовских политиков такие планы были совершенно неприемлемы.

Тем временем В. Гуттен-Чапский уже 2 августа советовался с канцлером, А. Ваншаффе и Отто Гамманном по поводу вероятного поведения поляков на отдельных кордонах⁵⁴. Они договорились о необходимости поддерживать отрицательное отношение поляков к русским и не проводить антипольской политики на землях, принадлежащих Пруссии. 6 августа руководитель Восточного информационного бюро Германии Георг Клейнов по поручению начальника Генерального штаба отправил представителям военной и гражданской власти меморандум по вопросу антирусского восстания. В меморандуме было предусмотрено учреждение «польского бюро» при одном из ведомств руководства рейха, которое должно было решать все вопросы, касающиеся поляков, литовцев, евреев, а также другие восточные проблемы. Бюро должно было обеспечить власть и военную администрацию необходимым материалом⁵⁵. Такое бюро действительно было вскоре учреждено в составе Генерального штаба, а В. Гуттен-Чапский был официально назначен его руководителем.

Ф. Фишер в своей книге убедительно показывает, что соответствующая обработка польского общественного мнения была частью программы широкой инсургенции народов России и в целом способствовала революционным настроениям в

⁵² FISCHER, F. Op. cit., S. 102.

⁵³ Ibid., S. 103.

⁵⁴ HUTTEN-CZAPSKI, B. Op. cit., s. 181.

⁵⁵ Ibid., s. 181–182.

Российской империи. В рамках этой программы 5 августа Г. Ягов писал германскому послу в Вене: «Наши подразделения в солдатских вещмешках носят с собой прокламации об освобождении Польши» (сама телеграмма Г. Ягова была подготовлена еще в июле, т.е. до разгара войны)⁵⁶. В самом деле, немцы ночью с 7 на 8 августа разбросали с дирижабля на полосе Ченстохова – Калиш – Коло воззвания к полякам⁵⁷. В них провозглашалось освобождение от «московского гнета», грядущая победа над «азиатскими ордами»; говорилось о том, что на смену «восточному варварству» придет «западная цивилизация». Были обещаны «свобода и независимость». Во имя этого поляки должны объединиться для борьбы против русских⁵⁸. Воззваний, написанных в таком же духе и такого же содержания, было и больше⁵⁹.

Польский вопрос для немцев был, безусловно, чрезвычайно существенным. Даже в планах «Средней Европы», согласно О. Федюшину, проблема поляков занимала центральное место⁶⁰. «Польское направление» выкристаллизовалась из этой проблемы и может считаться составной ее частью, а целью всего этого было восстановление единой Польши, тесно связанной с Центральными государствами⁶¹. Правда, вскоре после этого дела повернулись несколько в другом направлении. Разыгравшиеся военные действия разрушали все первоначальные предположения и расчеты немцев, в том числе и касавшиеся поляков. Время шло, а ожидаемого восстания все не было, русские сосредотачивали огромные вооруженные силы на польских землях, а союзники австрийцы зачастую больше мешали, нежели помогали, выдвигая претензионные политические требования. В сентябре 1914 г. сильные бои разгорелись в Галиции, и стало очевидно, что рокового решения «польского вопроса» в скором времени не будет. В связи с этим «польское направление» в политике Германии потеряло свою актуальность и должно было уступить место конкурирующим концепциям.

Присутствовала ли реакция со стороны литовских деятелей на обсуждаемые здесь планы немецких деятелей в августе 1914 г.? Ответ осложняется тем, что 14 августа появилось знаменитое воззвание руководства России (великого князя Николая Николаевича) к полякам, которое, в свою очередь, можно было рассматривать как ответную реакцию на упомянутые выше воззвания Германии. После появления российского воззвания внимание литовских активистов было явно сосредоточено на нем, о чем свидетельствуют многие источники⁶². Следовательно, было слишком

⁵⁶ FISCHER, F. Op. cit., S. 117.

⁵⁷ CONZE, W. Op. cit., S. 47.

⁵⁸ Ibid. Текст воззвания опубликован в: KUMANIECKI, W. *Odbudowanie państwowości polskiej*. Warszawa-Kraków, 1924, s. 25.

⁵⁹ CONZE, W. Op. cit., S. 47. В. Баслер также предьявляет и комментирует такие образцы воззваний, обнаруженных в немецких архивах (BASLER, W. Op. cit., S. 95–96).

⁶⁰ ФЕДЮШИН, О. Op. cit., с. 32–33.

⁶¹ Ibid., с. 40.

⁶² Более подробно см.: LOPATA, R. Op. cit., p. 29–34.

мало времени, чтобы отдельно отреагировать на немецкие подготовительные действия. Кроме того, можно очень обоснованно полагать, что эта реакция незаметно растворилась в реакции на воззвание русских, потому что в обоих случаях это была реакция на польскую угрозу надеждам литовцев на получение самостоятельности. В историографии четко зафиксировано по крайней мере несколько проявлений общественной позиции литовцев за этот короткий промежуток времени. На чрезвычайном заседании Совета и Думы России 8 сентября тогдашний парламентарий Мартинас Ичас произнес речь, в которой, заверив коллег в лояльности литовцев к власти, выразил надежду «разорванного пополам литовского народа видеть его объединенным под российским флагом». 17 августа на собрании части вильнюсских литовских товариществ, а также представителей печати была принята декларация (вскоре получившая название «янтарной»), авторы которой выразили желание разбросанные литовские «янтарные бусы» собрать в союзе наций под руководством России⁶³. Если последний факт можно было бы непосредственно связать с реакцией на воззвание Николая Николаевича, то о первом этого никак нельзя сказать, хотя, например, историк Р. Лопата и ставит их в один ряд с вышеупомянутым «польским вопросом». Конечно, есть основание полагать, что М. Ичас знал о том, что российская власть готовила воззвание к полякам и поэтому заранее позаботился о соответствующем заявлении. Однако возможно, что М. Ичас знал и намного больше, а именно о шагах, предпринимаемых политиками Германии по польскому вопросу. У него, действительно, были очень тесные контакты с высшими российскими правительственными чиновниками, например, он не раз встречался с министром иностранных дел Сергеем Сазоновым и обсуждал возможность присоединения Клайпеды к России⁶⁴. Возможно, последний, руководствуясь политическим принципом «разделяй и властвуй», поделился с М. Ичасом и в его расположении, несомненно, присутствовавшей конфиденциальной информацией о планах немцев. Так он дождался реакции, на которую рассчитывал. Известно, что С. Сазонов в своих воспоминаниях о том времени тепло отзывался о литовцах именно в контексте «польского вопроса»⁶⁵. Как бы там ни было, очевидно одно: на фоне немецкой политики по польскому вопросу литовские активисты в самом начале войны в качестве политических союзников не колеблясь выбирали русских.

Интенсивно начатая воюющими сторонами практика использования национального фактора к концу 1914 года в силу разных причин все же убавила скорость, а неудачи в их «польской политике», в свою очередь, дали возможность литовским деятелям перевести дух после суматохи первых недель войны, взяться за консолидацию, согласование позиций и объединение сил.

⁶³ Ibid., p. 30; ČEPENAS, P. Op. cit., p. 56–58.

⁶⁴ ЛОПАТА, R. Op. cit., p. 23.

⁶⁵ САЗОНОВ, С. *Воспоминания*. Москва, 1991, с. 375, 395–396.

Заключение

Как в литовской историографии, так и в общественном мнении вплоть до настоящего времени преобладает мнение, что якобы Германия в годы Первой мировой войны однозначно стремилась к захвату Литвы и окрестного региона. Это мнение сложилось в советской историографии еще в годы Второй мировой войны на основании тогдашних политических реалий. Общая историография СССР и постепенно выросшая из нее литовская историография, а также общественное мнение вначале руководствовались, по сути, идеологически-пропагандистскими клише, которые со временем стали проникать в научные рассуждения. В связи с этим при определении целей Германии все шире использовалось понятие «аннексии» без углубления в содержание этого понятия. То обстоятельство, что проявлений действительной аннексии в политике тогдашней Германии не оспаривала даже западная историография, дало повод советским историкам огульно использовать это понятие. Все же со временем в советской историографии при обсуждении военных целей Германии, по крайней мере относительно тактики, было выделено несколько имевших место немецких концепций. Это произошло в результате научных импульсов со стороны Запада. Готовность советской исторической науки пойти навстречу западному влиянию особенно побуждали работы представителей западноевропейского так называемого «академического направления», в первую очередь, труды Ф. Фишера, в которых он доказывал, что агрессивность кайзеровской Германии носила системный характер.

Литовские исследования, посвященные периоду Первой мировой войны, в советскую эпоху переживали настоящую стагнацию. Из академических исследователей можно вспомнить только А. Стражаса, которого лишь условно можно считать представителем литовской историографии. Парадоксально, но информация о достижениях зарубежной историографии способствовала тому, что в последующих литовских обобщающих трудах вообще не осталось упоминания о военных целях Германии. Не было даже предпосылок для дискуссии об использовании понятия «аннексии». Писавший в эмиграции П. Чяпенас довольно широко и произвольно оперировал понятием «аннексии» – из-за влияния Ф. Фишера, на которого он пространно ссылался, а также из-за негативной оценки немецкой политики в целом.

И только во времена уже восстановленной независимости наконец появилось солидное исследование Р. Лопаты, в котором обсуждается и проблема военных целей Германии на Востоке, хотя использованию понятия «аннексии» отдельное внимание и не уделяется. Обозревая ситуацию историографии, в которой все еще кипели острые споры о книге Ф. Фишера, исследователь особо отметил предложение американского историка украинского происхождения О. Федюши-

на выделить пять немецких концепций, касающихся целей войны, потенциалом которых, исходя из потребностей, диспонировали правящие круги Германии во время войны; при этом аннексионизм был лишь одной из концепций.

В советской и литовской историографии утверждалось, что аннексионизм преобладал на протяжении всего без исключения периода войны, в то время как конкретные аннексионистские проявления руководства Германии зафиксированы только со второй половины 1915 г. Начальный период войны в литовской историографии вообще очень мало исследован. Ф. Фишер с помощью малоизвестных фактов описывает этот отрезок времени как очень специфическую ситуацию. После более глубокого изучения картины выясняется, что в тот момент, когда война начиналась и в первые недели после ее начала, планы Германии на Востоке, по сути, можно охарактеризовать как стремление решить так называемый «польский вопрос» посредством образования зависимого от Германии Польского государства. В то время в политике Германии преобладало выделенное О. Федюшиным «польское направление». Будущую Польшу планировалось расширить в северо-западном направлении, включая и этническую Литву, что шло вразрез с целями литовского национального движения. Немцы ожидали от поляков широкомасштабного антирусского восстания, которое должно было облегчить решение задач, поставленных перед немецкой армией. Однако по мере того, как стали рушиться надежды на «молниеносную войну», уже в сентябре 1914 г. роль «польского направления» себя исчерпала, и руководство Германии всё больше стало интересоваться возможностями, заложенными в конкурентных концепциях.

Список исследований, цитируемых в статье

- ВИНОГРАДОВ, Кирилл. *Буржуазная историография первой мировой войны. Происхождение войны и международные отношения в 1914–1917 гг.* Москва, 1962.
- Германская история в новое время.* Т. 1. Ред. Сергей СКАЗКИН и др. Москва, 1970.
- «Дранг нах Остен» и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы 1871–1918 гг. Отв. ред. Владимир ВОЛКОВ. Москва, 1977.
- СТРАЖАС, Аба. «Земля Оберост» и германские цели на востоке в годы первой мировой войны. *Вопросы истории*, 1964, № 8, с. 49–59.
- СТРАЖАС, Аба. «Земля Оберост» и её место в германской восточной политике в годы первой мировой войны. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Т. 1–3. Вильнюс, 1970.
- ТЕОДОРОВИЧ, Иван. Разработка правительством Германии программы завоеваний на Востоке в 1914–1915 гг. In *Первая мировая война: сборник статей.* Отв. ред. Аркадий СИДОРОВ Москва, 1968, с. 108–120.
- ФЕДЮШИН, Олег. *Украинская революция. 1917–1918.* Москва, 2007.
- ХВОСТОВ, Владимир. Германская экспансия на Востоке, ее история и идеологические корни. *Новая и новейшая история*, 1961, № 3.
- BASLER, Werner. *Deutschlands Annexionspolitik in Polen und im Baltikum 1914–1918.* Berlin, 1962.
- CONZE, Werner. *Polnische Nation und deutsche Politik im ersten Weltkrieg.* Köln, 1958.

- ČEPĖNAS, Pranas. *Naujųjų laikų Lietuvos istorija*. T. 2. Vilnius, 1992.
- FEDYSHYN, Oleh. *Germany's Drive to the East and the Ukrainian Revolution, 1917–1918*. New Brunswick, N. J., 1971.
- FISCHER, Fritz. *Griff nach Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland 1914/18*. Düsseldorf, 2000.
- GEISS, Imanuel. *Der polnische Grenzstreifen 1914–1918. Ein Beitrag zur deutschen Kriegszielpolitik im ersten Weltkrieg*. Lübeck, 1960.
- GEISS, Imanuel. *Tzw. Polski pas graniczny*. Warszawa, 1964.
- KUMANIECKI, Władysław. *Odbudowanie państwowości polskiej*. Warszawa-Kraków, 1924.
- Lietuvos TSR istorija. Nuo seniausių laikų iki 1917 metų*. Ats. red. Bronius VAITKEVIČIUS. Vilnius, 1985.
- Lietuvos TSR istorija*. T. II: nuo 1861 iki 1917 metų. Vyr. red. Juozas ŽIUGŽDA. Vilnius, 1963.
- LOPATA, Raimundas. *Lietuvos valstybingumo raida 1914–1918 metais* (Lietuvių Atgimimo istorijos studijos, t. 9). Vilnius, 1996.
- OCHMAŃSKI, Jerzy. *Historia Litwy*. Wrocław, 1967.
- PAJEWSKI, Janusz. „Mitteleuropa“: studia z dziejów imperializmu niemieckiego w dobie pierwszej wojny światowej. Poznań, 1959.
- RITTER, Gerhard. Zur Fischer Kontroverse. *Historische Zeitschrift*, 1965, Bd. 200, Hf. 3, S. 783–787.
- STAŠAITIS, Stanislovas. Vilniaus pedagoginio universiteto Visuotinės istorijos katedros dėstytojai kaip pedagogai (1944–1955 m.). *Historia universalis in Lithuania*, 2007, t. 1, p. 82–105.
- STRAŽAS, Abelis. „Oberosto žemės“ istorijos klausimai žinomojo Hamburgo istoriko veikaluose. *Lietuvos TSR aukštųjų mokyklų mokslo darbai. Istorija*, 1969, t. X, p. 251–259.

THE GOALS OF GERMANY IN THE EAST DURING THE FIRST WORLD WAR: SHARP TURNS IN HISTORY AND HISTORIOGRAPHY

Edmundas Gimžauskas

Summary

The concept of ‘German annexionism’ has become an integral part of the Lithuanian public and research discourse in the context of the events of the First World War. Both popular and scientific Lithuanian literature of the second half of the 20th century regularly argues that Germany allegedly sought to seize and annex Lithuania and the neighbouring region. However, scientific inquiry into the period, and particularly into the history of the ‘war aims’ of the Kaiser’s Germany, raises doubts about the validity of this stereotype. Suspicions are raised by the extremely indiscriminate use of key concepts of a precise character, such as ‘annexation’, which suggests a non-scientific origin of the term.

An evaluation of the origin of these stereotypes makes it clear that, during the Second World War and immediately after it, Soviet historiography and its Lithuanian branch basically followed ideological-propagandistic clichés, which after the Stalinist period were increasingly frequently combined with research elements. In the definition of the goals of Germany during the First World War, the concept of ‘annexation’ was increasingly used, without any in-

depth study of its content. Manifestations of true annexation in the policies of the Kaiser's Germany were recognised by Western historiography; therefore, Soviet historians had an excuse to use the concept indiscriminately, and did so for the purposes of anti-German and anti-capitalist propaganda. However, Soviet historiography, when dealing with Germany's war aims, or at least its tactical considerations, gradually started distinguishing between several former German concepts. The process took place as a consequence of scientific impulses from the West (and some countries of the socialist bloc). The opening up of the Soviet science of history to Western influence was especially encouraged by the works of members of the West German 'academic direction', and primarily of Fritz Fischer, in which they tried to prove the systematic approach of the aggression of the Kaiser's Germany.

92 | Meanwhile, the legacy of Lithuanian research into the First World War during the Soviet era, as well as its outcomes, looks rather modest. We can only state that, in Soviet times, this branch of research stagnated, and from an academic viewpoint, only Aba Strazhas could be remembered and relatively considered as a representative of Lithuanian historiography. Not only did Soviet Lithuanian scientific historiography of the period 1914 to 1918 stagnate, but it also found it more difficult to free itself from the ideological-propagandist clichés than Russian historiography. Juozas Žiugžda, for a long time the 'supervisor' of Soviet Lithuanian historians, considered the period of the First World War to be his own area of interest, and that accounts for the nature of the situation. It goes without saying that, due to the insignificant volume of relevant research, there were no prerequisites for any discussions on narrow specific issues, such as the usage of the term 'annexation'. It may seem paradoxical at first glance; however, in the 'post-Žiugžda' period, i.e. at the end of the Soviet era, while receiving increasing amounts of information about the achievements of foreign historiography, Lithuanian synthetic historical studies never even mentioned the German aims during the war. The writings followed pure canons of historicism, and were written on the principle of 'how things actually were', by naming obvious facts, and without getting entangled in questionable claims. The emigre Pranas Čepėnas quite freely and widely made use of the concept of 'annexation', due to the influence of Fischer, to whom he frequently referred, and also due to the epochal negative evaluation of the totality of German policies.

Only after 1990 was an appropriate contribution to Lithuanian research into the First World War finally made, and this was a book by Raimundas Lopata which also discussed the issue of the German war aims in the East. When Lopata was working on his book, as regards this issue, the global community of historians was still living on the passions caused by Fischer's controversies, even if the latter's book had appeared a third of a century before. On studying the material presented by the two arguing parties, the Lithuanian historian concluded that during the First World War 'the German policy was rather schizophrenic. Some authors spoke about unrestrained expansionism, while others, about almost innate pacifism.' He particularly noted the proposal of Oleg Fediushin, an American historian of Ukrainian descent, to identify at least five German concepts with respect to the war aims, whose potential during the war was disposed of by German ruling circles in accordance with their needs. These included expansionist policies, most closely linked with the *Drang nach Osten* idea; the 'Central Europe' project; the Polish direction, which in a sense may be considered part of the 'Central Europe' concept; the East European direction, oriented towards the policy of the so-called 'peripheral countries'; and the Russian direction, whose supporters represented ideas of the unity and indivisibility of Russia, and close collabora-

tion with the great Eastern neighbour. Fediushin argued that it was impossible to establish precisely the degree of the impact of the supporters of the above concepts on the decisions made by the German authorities, while the German government never gave preference to any of the mutually competing directions. Moreover, the events at the front and political changes abroad played a much more significant role in determining the empire's eastern policy than any of these concepts. Fediushin provided the scheme as a solution to the unending arguments of historians that had started with Fischer's claims. Thus, in research in independent Lithuania into the period 1914 to 1918, rather distinct traces of the global resonant historiography can be observed.

However, we can still see an opportunity, on the basis of the achievements of the same resonant historiography, to try to at least partly verify the validity of the thesis of 'German annexionism', when it is applied to Lithuania or the region. Soviet and Lithuanian historiography wrote about the predominance of annexionism all through the war, while specific annexionist manifestations by the German authorities were recorded as late as the second half of 1915. The initial period of the war has been little studied in Lithuanian historiography. For that period, on the basis of little-known facts, Fischer drew a very specific picture of the situation. As is proven by deeper studies, at the time when the war broke out, and during the first few weeks, German plans in the east could be basically defined as an aspiration to solve the 'Polish question' through the establishment of a Polish state dependent on Germany. At that time, the 'Polish direction', identified by Fediushin, predominated in German politics. The prospective Poland was to be expanded to the northwest to include ethnic Lithuania, which clashed with the aspirations of the Lithuanian national movement. The Germans expected a massive anti-Russian uprising from the Poles, which would substantially facilitate German military objectives. However, with the collapse of the expectations of the Blitzkrieg, by September 1914 the role of the 'Polish direction' diminished considerably, and the German authorities took an increasing interest in the opportunities offered by other competing concepts. From all of this, it would follow that there are no grounds to discuss the unquestionable annexation intentions of German ruling circles in the East at the time when the war broke out and immediately afterwards.

VOKIETIJOS TIKSLAI RYTUOSE PER PIRMAJĄ PASAULINĮ KARĄ: STAIGŪS ISTORIJOS IR ISTORIOGRAFIJOS POSŪKIAI

Edmundas Gimžauskas

Santrauka

Vokiškojo aneksionizmo sąvoka yra tapusi neatsiejama lietuvių visuomeninio ir mokslinio diskurso, kalbant apie Pirmojo pasaulinio karo įvykius, dalimi. Ne tik populiariojoje, bet ir mokslinėje XX a. antrosios pusės lietuvių literatūroje nuolat aptinkama teiginių, esą

Vokietija tuomet siekusi užgrobti, aneksuoti Lietuvos ir kaimyninio regiono teritorijas. Tačiau mokslinis laikotarpio, o ypač į kaizerinės Vokietijos vadinamųjų „karo tikslų“, nagrinėjimas verčia rimtai suabejoti šio stereotipo pagrįstumu. Įtarimų kelia jau pats itin laisvas kertinių precizinio pobūdžio sąvokų, tokių kaip *aneksija*, vartojimas, leidžiantis manyti apie nemokslinę stereotipo kilmę.

Įvertinus šių stereotipų kilmę, aiškėja, kad Antrojo pasaulinio karo laikotarpiu ir iškart po jo bendroji SSRS ir iš jos besirutuliojanti lietuvių sovietinė istoriografija vadovavosi iš esmės ideologinėmis-propagandinėmis klišėmis, kurios, pasibaigus stalinistiniam laikotarpiui, vis labiau imtos derinti su moksliskumo elementais. Apibūdinant Vokietijos tikslus Pirmajame pasauliniame kare, ilgainiui vis plačiau pradėta vartoti *aneksijos* sąvoka, bet į jos turinį nesigilinta. Tikrosios aneksijos apraiškas kaizerinės Vokietijos politikoje pripažino Vakarų istoriografija, todėl sovietiniai istorikai turėjo pretekstą sąvoką vartoti beato-dairiškai ir tuo naudojosi antivokiškos bei antikapitalistinės propagandos tikslais. Tačiau pamažu sovietinėje istoriografijoje, kalbant apie Vokietijos karo tikslus, bent jau apie jos taktinius sumetimus, pradėtos išskirti kelios buvusios vokiškos koncepcijos. Šis procesas vyko kaip mokslinių impulsų iš Vakarų pusės (taip pat ir iš kitų socialistinių kraštų) rezultatas. Sovietinio istorijos mokslo atsivėrimą vakarietiškai įtakai ypač skatino Vakarų vokiečių vadinamosios „akademines krypties“ atstovų, pirmiausia Fritzo Fischerio, darbai, kuriuose jie įrodinėjo kaizerinės Vokietijos agresyvumo sistemiškumą.

Tuo tarpu lietuviškų Pirmojo pasaulinio karo laikotarpio tyrimų sovietinėje epochoje palikimas ir rezultatai atrodo itin kuklūs. Galima tiesiog konstatuoti, kad šie tyrimai sovietmečiu išgyveno tikrą stagnaciją. Akademiniu aspektu tegalima prisiminti tik vieną Abą Stražą, kurį dargi sąlyginai galima laikyti lietuviškos istoriografijos atstovu. Sovietinė lietuvių mokslinė 1914–1918 m. laikotarpio istoriografija ne tik stagnavo, bet dar sunkiau nei rusų vadavosi iš ideologinių-propagandinių klišių. Ilgametis sovietinės Lietuvos istorikų „prievaizdas“ Juozas Žiugžda laikė Pirmojo pasaulinio karo laikotarpį savo interesų sritimi, ir tai pakankamai byloja apie besiklostančios situacijos esmę. Savaiame suprantama, jog esant itin menkai atitinkamų mokslinių tyrinėjimų visumai, diskusijai siauresniais klausimais, kaip antai dėl *aneksijos* sąvokos taikymo, nebuvo netgi prielaidų. Iš pirmo žvilgsnio paradoksalu, tačiau „požiūgdiniu“ laikotarpiu, t. y. sovietmečio pabaigoje, gaunant vis daugiau informacijos apie užsienio istoriografijos pasiekimus, lietuviškuose sintetiniuose istorijos veikaluose iš viso neliko Vokietijos karo tikslų paminėjimo. Tekstai pradėti rašyti grynai pagal istorizmo kanonus, vadovaujantis principu „kaip viskas buvo iš tikrųjų“, vardijant akivaizdžius faktus ir nesivieliant į abejotinus teiginius. Išėivijoje rašęs Pranas Čepėnas gana laisvai ir plačiai operavo *aneksijos* sąvoka – dėl F. Fischerio, kuriuo jis plačiai rėmėsi, įtakos, taip pat dėl vokiečių politikos visumos negatyvaus epochos vertinimo.

Jau po 1990 m. pagaliau sulaukta deramo indėlio į Pirmojo pasaulinio karo laikotarpio tyrimus Lietuvoje, pasirodžius Raimundo Lopatos darbo publikacijai. Joje aptartas ir Vokietijos karo tikslų Rytuose klausimas. Tuo metu, kai R. Lopata rengė savo knygą, pasaulinė istorikų bendruomenė minėtu klausimu tebegyveno F. Fischerio kontroversijos sukeltomis aistromis, nors nuo jos atsiradimo jau buvo praėjęs trečdalis šimtmečio. Susipažinęs su abiejų besiginčijančių stovyklų pateikiama medžiaga, lietuvių istorikas padarė išvadą, jog Pirmojo pasaulinio karo metais „Vokietijos politika buvo gana šizofreniška. Vieni kalbėjo apie nesulaikomą ekspansionizmą, o kiti – apie vos ne įgimtą pacifizmą“. Autorius atskirai pažymėjo ukrainiečių kilmės amerikiečių istoriko Olego Fedušino pasiūlymą

išskirti bent penkias vokiškąsias koncepcijas karo tikslų atžvilgiu, kurių potencialu Vokietijos valdantieji sluoksniai karo metu disponavę pagal poreikį. Tai – ekspansionistinė kryptis, glaudžiausiai susijusi su „Drang nach Osten“ idėja; „Vidurio Europos“ projektas; lenkiškoji kryptis, kurią tam tikra prasme galima laikyti „Vidurio Europos“ koncepcijos dalimi; Rytų Europos kryptis, orientuota į vadinamųjų „pakraščių valstybių“ politiką, ir rusiškoji kryptis, kurios šalininkai atstovavo Rusijos vienybės ir nedalomumo bei glaudaus bendradarbiavimo su didžiąja Rytų kaimyne idėjoms. O. Fedušinas teigė, jog skirtingų koncepcijų šalininkų įtakos laipsnio Vokietijos valdžios priimamiems sprendimams neįmanoma kiek tiksliau nustatyti, tuo tarpu Vokietijos vyriausybė niekada neteikė aiškios pirmenybės kuriai nors iš tų tarpusavyje konkuravusių krypčių. Be to, įvykiai frontuose ir politinės permainos užsieniuose vaidinę daug didesnę vaidmenį, nustatant Imperijos rytinę politiką, nei bet kuri iš koncepcijų. Istorikas teikė šią schemą kaip priemonę įveikti niekaip nesisprendžiantį istorikų ginčą, prasidėjusį nuo F. Fischerio teiginių. Tad matome, jog atkurtosios Nepriklausomybės laikotarpiu lietuvių 1914–1918 m. tyrinėjimuose gana ryškūs pasaulinės rezonansinės istoriografijos pėdsakai.

Visgi dar įžvelgiame galimybę, remiantis tos pačios rezonansinės istoriografijos pasiekimais, bandyti bent iš dalies verifikuoti „vokiškojo aneksionizmo“ tezės pagrįstumą, kai ji taikoma Lietuvai ir kaimyniniam regionui. Sovietų ir lietuvių istoriografijoje apie aneksionizmą rašyta kaip apie dominavusį per visą be išimties karo laikotarpį, tuo tarpu Vokietijos valdžios konkrečios aneksionistinės apraiškos imamos fiksuoti tik 1915 m. antroje pusėje. Pradinis karo laikotarpis lietuviškoje istoriografijoje iš viso labai menkai tyrinėtas. Šiai atkarpai F. Fischeris, naudodamas mažai žinomus faktus, piešia labai specifinės situacijos paveikslą. Pasigilinus pradeda aiškėti, jog karo kilimo momentu ir pirmosiomis jo savaitėmis Vokietijos planai Rytuose iš esmės gali būti apibūdinami kaip siekis išspręsti vadinamąjį „lenkų klausimą“ per priklausomos nuo Vokietijos Lenkijos valstybės įsteigimą. Tuomet Vokietijos politikoje vyravo O. Fedušino išskirtoji „lenkiška kryptis“. Būsimą Lenkiją planuota išplėsti šiaurės vakarų kryptimi, įtraukiant ir etninę Lietuvą, kas kirtosi su tautinio lietuvių judėjimo siekiais. Iš lenkų vokiečiai tikėjosi plataus antirusiško sukilimo, kuris turėjo itin palengvinti Vokietijos kariuomenės uždavinius. Tačiau žlungant „žaiabiško karo“ viltims, jau 1914 m. rugsėjo mėn. „lenkiškosios krypties“ vaidmuo sumenko, ir Vokietijos valdžia vis labiau ėmė domėtis kitų konkuruojančių koncepcijų siūlomomis galimybėmis. Iš viso to išplauktų, jog nėra pagrindo kalbėti apie neginčijamas Vokietijos valdžios sluoksnių aneksines nuostatas Rytuose karo kilimo momentu ir iškart po jo.